

«ПИЩЕВАЯ МЕТАФОРА»: ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ

Е. А. Юрина

«FOOD METAPHOR»: THE SCOPE AND LIMITS OF THE CONCEPT

Е. А. Yurina

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: грант 14-04-00207 а – "Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание", 2014 – 2016 гг.

В статье рассматривается пищевая метафора как базовая когнитивная метафорическая модель «Нечто – это Еда». Частные метафорические модели, представленные в семантике образных слов и выражений русского языка и реализованные в дискурсивной практике, имеют общий «левый» компонент метафорической модели, в качестве которого выступает сфера-источник «ЕДА/ПИЩА». Метафорические проекции направлены в различные сферы внеязыковой действительности, наиболее частотными из которых являются «Человек» и «Социум». Вопрос об объеме и границах рассматриваемого термина связан с прикладной задачей составления словника «Словаря русской пищевой метафоры» и касается критериев отнесения образного слова или выражения к данному типу метафор. Освещается периферия образного лексико-фразеологического поля «Еда», а также сферы пересечения пищевого кода культуры с другими кодами образной вербализации концептосферы в русском языке.

The article presents food metaphor as a basic cognitive metaphoric model "Something – is Food". The particular metaphoric models presented in semantics of Russian language figurative words and expressions and implemented in discursive practice have the common "left" component of metaphoric model represented by the sphere-source "FOOD/MEAL". Metaphoric projections are directed at different spheres of extralinguistic reality, the most frequent among them are "Man" and "Society". The issue of scope and limits of the term under consideration is connected with an application task to draw up the glossary "The dictionary of Russian food metaphor" and related to criteria for attribution of figurative words and expressions to a certain metaphor type. The periphery of figurative lexical-phraseological field "Food" is covered, as well as the sphere of overlapping of food culture code with other codes of figurative verbalization of Russian language sphere of concept.

Ключевые слова: пищевая метафора, образная лексика, фразеология, словарь.

Keywords: food metaphor, figurative vocabulary, phraseology, dictionary.

В современной лингвистике активно изучается роль метафорических средств языка в создании национально и культурно окрашенной языковой картины мира. Методология исследования типовых образов национальной культуры опирается на положения теории языковой метафоры, когнитивной метафоры, образности как языковой и ментальной категории (Н. Д. Арутюнова, О. И. Блинова, А. Н. Баранов, Дж. Лакофф и М. Джонсон, Н. А. Илюхина, Г. Н. Складарская, З. И. Резанова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, Е. А. Юрина и др.). Значительные наработки имеются в области лингвокультурологических и когнитивных исследований ключевых концептов национального сознания, языковой концептуализации действительности и фрагментов языковой картины мира (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин и др.).

Наблюдения за языком с позиций антропологической и культурологической лингвистики, представленные в указанных работах, убеждают в том, что чувственно-образное выражение идей в языке служит не только задачам украшения речи, а является одним из основных способов мышления человека. Современная когнитивная теория метафоры доказательно развивает тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафорическое моделирование является одним из основных познавательных процессов в ментальной деятельности человека. Мы познаем что-то новое по аналогии с уже известным, осмысливаем нечто абст-

рактное по образу и подобию чувственных и зримых феноменов.

В задачи данной статьи входит определение понятия «**пищевая метафора**», использованное в названии недавно вышедшего в свет под редакцией автора «Словаря русской пищевой метафоры» [13]. Таким образом, обращение к данной теме осуществляется «пост фактум»: после того, как концепция была продумана, апробирована и реализована в словарной практике. Казалось бы, зачем? Ответ на этот вопрос содержит следующие аргументы. Во-первых, теоретические размышления в публикациях, посвященных обоснованию словарной концепции, отразили лишь общее представление о понимании пищевой метафоры, в то время как многие частные моменты, значимые для составления словника и связанные с границами включаемого в словарь материала, оказались неосвещенными. Во-вторых, отклики на публикации и доклады авторов-составителей словаря со стороны рецензентов и заинтересованных коллег-специалистов содержали повторяющиеся вопросы относительно квалификации того или иного метафорического значения слова или выражения как соответствующего или не соответствующего понятию «пищевой метафоры». Именно эти дискуссионные случаи и будут рассмотрены в данной статье. В-третьих, пищевая метафора находится на пересечении культурных кодов, посредством которых осуществляется образное отражение мира в языке; анализ «фронтiera» пищево-

го кода культуры представляет интерес с лингвокультурологической точки зрения.

Под базовой когнитивной метафорической (метонимической) моделью, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, А. Н. Барановым, А. П. Чудиновым, понимается устойчивая аналогия, основанная на сходстве (смежности – для метонимии) между нетождественными явлениями различных концептуальных сфер, обеспечивающая осмысление познаваемого феномена из сферы-мишени в «терминах» прототипического феномена из сферы-источника [4; 9; 17 – 18]. Не только базовые метафорические модели носят универсальный характер и присутствуют во всех языках мира. Также обнаруживается множество частных устойчивых аналогий между метафорически уподобляемыми явлениями. Например, форма кулинарного изделия выступает образным эталоном для характеристики формы части тела человека (рус. *калач* ‘собранные в пучок и закрученные в кольцо волосы в женской причёске’; итал. *спагетти* ‘длинные прямые волосы’; казах. *баурсак* ‘о пухлых щечках, напоминающих изделие из теста в форме небольшого шарика’); свойство продукта питания метафорически проецируется на черты характера человека (рус. *сухарь* ‘равнодушный, незэмоциональный человек, словно жесткий, как сухарь’; итал. *рикотта* ‘о бесхарактерном, слабавольном человеке, напоминающем мягкий сыр’; казах. *бал* (мед) ‘о милом, любимом ребенке, словно сладком, как мед’). Всё это свидетельствует об универсальности гастрономических образов как источника метафорических аналогий и характеристик широкого круга объектов действительности.

Итак, компонент «метафора» в анализируемом термине понимается нами в его когнитивном значении как метафорическая модель, укорененная в сознании носителей языка и регулярно воспроизводимая в речи. Сферой-источником всевозможных метафорических проекций выступает понятийная область «Еда/Пища», а сферой мишенью – различные концептуальные сферы, явления которых подлежат метафорической номинации и образному означиванию. Пищевая метафора реализует центробежную тенденцию метафорического миромоделирования, объединяя частные метафорические модели по их общему «левому» компоненту (сфере-донору).

Метафорические модели как концептуальные структуры нашего мышления объективируются в языке посредством образных языковых единиц с метафорической семантикой. В их числе языковые метафоры – *каша* ‘неразбериха, путаница’; *сливки* ‘самая лучшая часть чего-л.’; образные слова с метафорической внутренней формой – *однокашник* ‘соученик, товарищ по учёбе’, *заваруха* ‘хлопотное дело’, *подмаслить* ‘задобрить, расположить к себе лестью, подарками’; устойчивые словосочетания, реализующие уподобление – *свернуться/сложить ноги калачиком/калачиком*, *сладкий как мёд* ‘о чём-л. приятном: голосе, словах и т. п.’; идиомы разной структуры – *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке, в наилучших условиях’, *вешать лапшу на уши* ‘обманывать’; образные перифразы – *уголь – хлеб индустрии*; пословицы и поговорки – *Ничего слаще морковки не пробовал* ‘жил небогато, не знал роскоши’, *Семеро с ложкой, а один с сошкой* ‘кто-л. выполняет основ-

ную работу, в то время как другие пользуются результатами его труда’ и под.

Оптимальной моделью для лингвистического представления устройства общезыковой образной системы является **образное лексико-фразеологическое поле**, объединяющее слова и выражения на основании единства исходного мотивирующего образа (метафоризируемого концепта). Рассматриваемое нами образное лексико-фразеологическое поле «Еда» объединяет слова и выражения, мотивированные наименованиями явлений гастрономической сферы, и демонстрирует реализацию в определенном национальном языке когнитивной метафорической модели «Нечто – это Еда». Таким образом, компонент «пищевая» в составе термина «пищевая метафора» указывает на исходную концептуальную область метафорической экспансии – сферу-источник. Лексема *еда* выступает именем смысловой доминанты образного поля и номинирует метафоризируемый мегаконцепт, имеющий сложную пропозиционально-динамическую сценарную структуру и охватывающий широкий круг явлений внеязыковой действительности, относящихся к гастрономической сфере.

Концептуальная структура исходной семантической области отражает обобщенный типовой сценарий ЕДЫ в широком смысле этого понятия. Сценарий включает две основные стереотипные ситуации: 1) ситуацию приготовления субъектом блюд из определенных продуктов (*вариться в собственном соку* ‘жить, работать, решать какие-то вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не общаться’) и 2) ситуацию поглощения субъектом готовых блюд (*поедом есть* ‘досаждать придирками, критикой’). А также третью ситуацию кормления (*кормить завтраками* ‘давать пустые обещания’), в котором процесс поглощения пищи совершается при помощи посредника.

Каждая ситуация предполагает наличие определенных участников – субъектов гастрономической деятельности (повар, едок) и их состояния (*эмоциональный голод* ‘острый недостаток эмоциональных контактов’, *жажда жизни* ‘страстное стремление к обогащению’, *пресытиться* ‘удовлетворить потребность в чем-л. полностью, сверх меры’); определенные объекты (*заварить кашу* ‘затянуть хлопотное дело’), инструменты (*есть из одной чашки* ‘находиться в близких доверительных отношениях’), локусы (*кухня* ‘скрытая сторона какой-л. деятельности’) и прочие обстоятельства, в которых протекают процессы приготовления и поглощения пищи (*расти как на дрожжах* ‘быстро и интенсивно прибавлять в росте (о человеке), в количестве (об имуществе, деньгах, процентах и т. п.)’, *подавать что-л. под каким-л. соусом* ‘преподнести информацию под определенным углом зрения’).

Обобщенный типовой сценарий, маркированный лексемами с наиболее общим, «неспециализированным» значением еды и питья (*есть, пить, кушать, кормить, питаться, лизать, грызть, сытый, голодный, голод, жажда, еда, пища, аппетит, аппетитный, вкусный, кухня* и под.) конкретизируется в ситуациях приготовления и поглощения определенных видов продуктов и блюд, образы которых задействованы в качестве образного основания для целых

групп образных единиц, составляющих тематические микрополя. Например, микрополе «блюда, приготовление на воде» (*варить, каша, бульон*), «блюда, приготовленные из измельченных ингредиентов» (*кро-*

шить ‘нарезать’, *мешать, винегрет* и под.), «изделия из теста» (*месить, тесто, стряпать, печь, пироги*) и т. д.

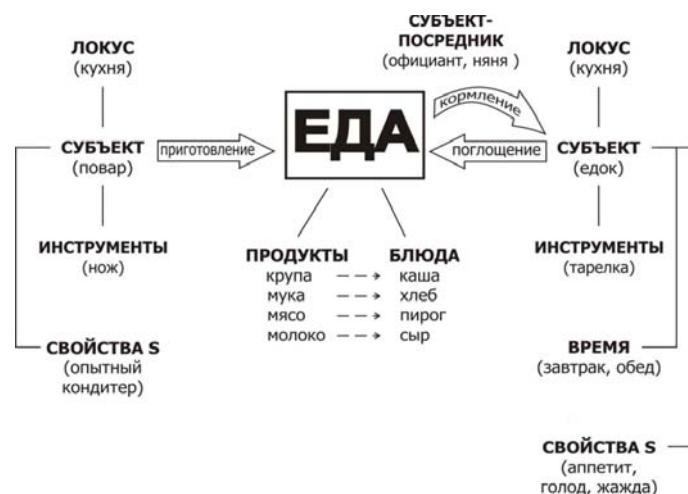

Рис. Модель концептуальной структуры исходного мотивирующего подполя «ЕДА»

Задействованные в образной номинации представления о самих кулинарных блюдах и продуктах питания, включающие знания об их форме, размере, вкусе, запахе, структуре, консистенции и т. п., в рассматриваемой сценарной структуре находятся на пересечении ситуаций их приготовления и поглощения. Блюдо (продукт питания) выступает и как результат процесса приготовления, и как объект, на который направлено действие поглощения. Например, выражение *состряпать статью* ‘быстро и не вполне качественно написать’ отражает образную ассоциацию с процессом приготовления блюда: автор статьи – повар, процесс написания – стряпня, статья – не вполне качественное кушанье. А выражение *аппетитная пышка* ‘привлекательная полная девушка’ несёт образную ассоциацию с ситуацией поглощения блюда: полная девушка – пышка, внешняя привлекательность человека, вызывающая интерес и симпатию со стороны говорящего, – прекрасные вкусовые и внешние качества продукта, вызывающие аппетит со стороны субъекта восприятия.

Исходная концептуальная область «Еда/Пища» выступает в качестве источника разнообразных метафорических проекций в такие понятийные сферы, как «Человек»: «внешность», «характер», «поведение» и др.; «Социум»: «межличностные отношения», «социальная деятельность», «политика», «экономика», «культура»; «Время», «Пространство», «Животные», «Растения», «Натурфакты», «Артефакты» и некоторые другие. Приведем некоторые примеры:

– внешность человека – *мучнистый* ‘бледный, с серовато-белой кожей’ – «Я так и видела его *солидное, мучнистое, картофельное* лицо, *просторные уши, зачес поперек плечи*» (Грекова);

– интеллект – *нашпигованный, напичканный* ‘обладающий знаниями’ «Беседуешь иногда с мамой и чувствуешь, что она *нашпигована* новыми воспитательными установками, как *рождественский гусь яблоками*» (Медведева); «И здесь перед нами, с одной

стороны, изображенный не без иронии *homo soveticus, напичканный* идеологическими, газетными, телевизионными клише советской эпохи» (Кулагин);

– политика – *кормиться* ‘получать информацию’, *разжевывать* ‘разъяснять до мелочей’: «Ведь избиратель у нас ленивый, *кормится* лозунгами, в партийные программы предпочитает не залезать и любит, когда ему все *разжевывают*» (Ратиани);

– экономика – *жрать, пожирать, сожрать* ‘уменьшить доходы до предела, обесценить деньги (об инфляции)’: «И опять я повторяюсь – нам приходится облагать дополнительным налогом сверхприбыль нефтяников, чтобы инфляция не *сожрала* деньги малообеспеченных» (Мытарев);

– животные – *бубликом, баранкой* ‘о загнутах в форме кольца хвосте собаки’: «Увидев меня, мопс пришел в бурный восторг и принялся прыгать, повизгивая и виляя скрученным в *бублик* хвостом» (Донцова); «Пес был стопроцентной дворняжкой, рыжей, с острыми ушами и большим пушистым хвостом, загнутым *баранкой*» (Куликова);

– артефакты – *бананы* ‘брюки, расширяющиеся до уровня колен и суживающиеся к низу’: «Без оглядки на традиции они вломились в правительственную цитадель в *итанах – бананах, малиновых пиджаках, невероятной расцветки галстуках, долгополых кашемировых пальто и лакированных жокейских сапожках*» (Грищенко).

Все приведенные выше примеры демонстрируют ядро лексико-фразеологического поля «Еда», и их отнесение к пищевой метафоре не вызывает сомнения. Дискуссионным оказался вопрос о включении в «Словарь русской пищевой метафоры» единиц, составляющих периферию данного поля. Например, *старый мухомор* ‘надоедливый старик’: «А все равно он не так прост, как хочет казаться. Очень даже себе на уме, *старый мухомор*. Мастер наводить тень на плетень» (Гандлевский), *как бледная поганка* ‘о человеке с бледной кожей’: «Публично отчи-

танная девушка яростно терла щеки, снимая излишек косметики. От унижения у нее дрожали руки. – **Как бледная поганка!** – ...Девушка снова взяла зеркальце и попыталась опять нанести краску» (Моспан), **шелуха** 'что-л. несущественное, глупое, не заслуживающее внимания': «Но если отбросить **словесную шелуху**, то в основе всего – страх» («Аргументы и факты»), **слететь как шелуха** 'исчезнуть, удалиться, обнажая что-л. спрятанное, сокрытое': «Цыбашев сцарапнул несколько строчек, они **отвалились, как шелуха**, прикрывающая истинный их смысл, и он прочел на бумаге совсем другое, не для людей, настолько страшное и мерзкое, что закричал и в страхе откинул прочь проклятую книгу» (Елизаров), **помои** 'жидкая невкусная пища, некрепкий чай, кофе': «Такой же невкусный оказался и чай – не чай, а **помои**» (Павлов), **остались розжки да ножки** 'почти ничего не осталось': «Чувство торжества, которое я испытал при первом взгляде на статью, не омрачило ни то, что от написанного лично мною **остались розжки да ножки**, ни то, что над моим именем стояло другое» (Рубин).

Вопрос о границах понятия «пищевая метафора» в семантическом аспекте решается с позиций теории семантического поля, в котором языковые элементы распределяются от ядра к периферии, а также с учетом имплицитной пропозициональной семантики, находящейся в пресуппозиции. Критерием для квалификации образной единицы как слова или выражения, репрезентирующего пищевую метафору, является наличие во внутренней форме номинации (мотивирующем значении) семантических компонентов 'еда/пища', входящих либо в ядро семантики мотивирующих единиц (**блин луны**), либо формирующих смысловую периферию (**остались розжки да ножки**). Пограничную зону пищевой метафоры составляют слова и выражения, основанные на образах остатков пищи, несъедобных продуктов, которые по ошибке могут быть съедены (ядовитые грибы), несъедобные части продуктов питания (кости, скорлупа). В связи с этим такие слова, как **шелуха**, **скорлупа**, **фантик** (от конфеты) в метафорических значениях и в составе образных выражений включаются в состав пищевой метафоры: **конфетный фантик** / **обёртка от конфеты** 'что-л. привлекательное исключительно с внешней стороны, не имеющее истинной ценности, значимости': «Вот тогда люди смогут выбирать не блестящую **«обертку от конфетки»**, а того кандидата, который реализует их желания наиболее эффективно» («Новая газета»).

Кроме того, обсуждался вопрос о правомерности включения в состав пищевой метафоры образных слов и выражений, основанных на образах фруктов, овощей, ягод в том случае, если аспект метафоризации связан не с их собственно пищевыми качествами, а с формой, размером, цветом, плотностью и другими свойствами, воспринимаемыми не во вкусовой модальности. Например, **глазное яблоко** 'анатомический термин, называющий глаз': «Отвернувшись в сторону, я несколько раз сильно надавил большим и указательным пальцами на оба своих **глазных яблока** – чтобы они покраснели и веки припухли» (Рубанов), **грушевидный** 'имеющий форму округлого конуса, зауженного посередине, напоминающий грушу':

«Оптическая звезда не материальная точка, а имеет значительные размеры, **грушевидную форму** и сложное распределение температуры на поверхности» («Вестник РАН»), **малиновый** 'насыщенный розовый с фиолетовым оттенком, подобный цвету ягод малины': «Милиционер в **малиновой фуражке** тянул ко мне ладонь (Окуджава), с **рисовое зёрнышко** 'о чем-л. очень маленьком': «По всем расчетам, в начале июня, то есть в тот день, когда мама, неся меня под сердцем, отправилась в путь, я был величиной с **рисовое зёрнышко**» (Нахапетов) и под.

С точки зрения составителей словаря, все выше-названные примеры относятся к пищевой метафоре на основании принадлежности исходных образов к сфере «ЕДА/ПИЩА». Именно этот критерий положен нами в основание моделирования образного поля. Характер уподобления может быть различным: основанным на сходстве зрительно воспринимаемых признаков (формы, размера, цвета), тактильных свойствах (консистенция), на символическом переосмыслении качества или на функциональном уподоблении ситуаций. Кроме того, следует отметить, что пищевой код культуры, представленный в данных образных номинациях, находится в отношениях пересечения с другими кодами образной вербализации тезауруса [19, с. 7]. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Термин «код» в гуманитарном знании употребляется в двух значениях:

1) система условных обозначений идеальных понятий материальными знаками;

2) система условного обозначения одного значения посредством формы другого значения. Согласно определению М. Л. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [7, с. 60].

Н. Ф. Алефиренко определяет код культуры как систему означивания, то есть сформированную стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов, которые используются в процессах смыслообразования и репрезентации смыслов [1, с. 61 – 62]. Обобщая определения предшественников и исходя из проблемного контекста нашего исследования, предлагаем следующее определение понятия: код культуры – это исторически сложившаяся нормативно-ценностная система вторичного означивания, несущая в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирующая и организующая этнокультурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира и языкового миромоделирования.

В культуре известны антропоморфный («человек»), соматический/телесный («организм»), зооморфный («животное»), фитоморфный («растение»), пищевой/глутонический/кулинарный («пища»), биоморфный («живое существо»), фетишный/предметный/вещный («предмет»), анимический («природная стихия»), акциональный («действие»), духовный («ценности»). В. В. Красных выделяет 6 базовых, наиболее крупных кодов: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Остальные, по мнению автора, могут являть-

ся частными разновидностями базовых. В современной русистике получают описание антропоморфный, соматический, предметный, зооморфный, фитоморфный и другие типы кодов.

Вслед за В. Н. Телия, В. В. Красных, Г. В. Токаревым считаем, что «культурный код можно определить по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций» [8, с. 281]. Это определение вписывается также в терминосистему мотивологической теории образности, согласно которой именно внутренняя форма слова и фразеологизма является внутрисловным средством выражения их образности [21].

Пищевой код находится во взаимодействии с другими культурными кодами. Очевидно пересечение пищевого кода с предметным, так как блюда национальной кухни, кулинарные изделия – это явления вещного мира, артефакты. Пересечение с анимическим (природным) кодом обусловлено тем, что исходными продуктами и ингредиентами многих блюд являются природные вещества: вода, соль. Анимический код, включающий зооморфный, растительный, соматический коды, частично входит в пищевой, поскольку в пищу употребляются различные части растений, части тела и органы животных. Существенная зона пересечения наблюдается с антропоморфным кодом, так как процессы приготовления и поглощения пищи осуществляются человеком, связаны с его физическими действиями, физиологическими процессами, чувственным восприятием. Акциональный код культуры связан с процессами приготовления блюд. На этом основании ряд образных слов и выражений могут интерпретироваться одновременно как пищевые и фитоморфные метфоры (*кочан / репа / тыква* ‘голова’), пищевые и соматические (*бросать кости* ‘при распределении средств отделяться мелкой подачкой’), пищевые и вещные (*булочки* ‘округлые, полные и мягкие части тела человека’), пищевые и натуроморфные (*соль* ‘основной смысл, суть чего-л.’),

пищевые и анимические (*съесть кунюру* ‘поместить внутрь устройств, принимающих платежные средства’, *жеванный* ‘измятый’) и т. п.

Таким образом, составителями «Словаря русской пищевой метафоры» при отборе материала был реализован широкий подход к определению границ пищевой метафоры. Материалы словаря показывают продуктивность использования пищевой метафоры в современной дискурсивной практике, что обусловлено высокой значимостью гастрономической сферы в жизнедеятельности человека. Гастрономическая сфера в целом и отдельные ее части становятся основой концептуализации мира, представляют собой один из важнейших этнических модулей, посредством которого люди выстраивают свой национально специфический образ мира. Образы еды зримы, ощутимы, понятны и узнаваемы. Ментальные представления о пищевых продуктах хранятся в памяти человека в виде предельно ярких, наглядных картинок-гештальтов, а также фреймов и слотов определенного сценария приготовления и поглощения еды. С пищей связан целый спектр сенсорных ощущений, возникающих по различным каналам восприятия: визуальный облик (форма, размер, цвет, структура, консистенция), запах, вкус, тактильные, температурные и даже звуковые ощущения. Эти образы связаны устойчивыми ассоциациями с эмоциональными и физиологическими чувствами человека – голод, аппетит, удовольствие, раздражение, опьянение и т. п. Это делает кулинарную метафору предельно психологически релевантной при описании самых разнообразных феноменов из области материальной, психической, ментальной и абстрактно-категориальной сфер действительности. Подобная сенсорная и эмоционально-психологическая наполненность кулинарных образов, их культурно-символическая и культурно-ценностная значимость делают кулинарную метафору предельно эффективным средством эмоционально-психологического воздействия на адресата речи.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Академия, 2002. 394 с.
2. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2003. 351 с.
3. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз., 1991. 193 с.
5. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
6. Илюхина Н. А. О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности // Вестник Самарского гос. ун-та. 2005. № 1(35). С. 138 – 154.
7. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. (Серия: Литературы и языка). 2008. № 2. Т. 67. С. 60 – 65.
8. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
10. Миронова М. К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 280 с.
11. Похлебкин А. В. Из истории русской кулинарной культуры. М.: Центрполиграф, 1997. 640 с.
12. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
13. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
14. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26 – 52.

15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 285 с.
16. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
17. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
18. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2005. 257 с.
19. Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 321 с.
20. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау: «Келешек-2030», 2013. 240 с.
21. Юрина Е. А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 129 – 144.

Информация об авторе:

Юрина Елена Андреевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка НИ ТГУ, yourina2007@yandex.ru.

Elena A. Yurina – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation).

Статья поступила в редколлегию 30.07.2015 г.